

УДК 351.74/.76

DOI [10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).525-537](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).525-537)

ЗАЩИЩЕННОСТЬ ГРАЖДАН ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ

Е.В. Фролова, Н.В. Медведева, Л.В. Сеничева, В.В. Бондалетов

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

12 мая 2015 г.

Дата принятия в печать

6 июля 2015 г.

Дата онлайн-размещения

30 сентября 2015 г.

Ключевые слова

Уровень защищенности; полиция; преступные посягательства; уровень доверия; виктимность; криминальные угрозы

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем защищенности российских граждан от преступных посягательств. Рассмотрена специфика восприятия угроз криминогенного характера различными социальными группами населения, выявлены детерминанты, определяющие состояние безопасности личности. Особое внимание уделено изучению уровня доверия граждан правоохранительным органам и их готовности к сотрудничеству с ними; определены факторы, ограничивающие партнерское взаимодействие граждан и полиции. Метод исследования — количественный опрос населения во всех субъектах Российской Федерации (85 регионов), включая Республику Крым и Севастополь. Общий размер выборки составил 48 800 респондентов. По результатам исследования, более трети опрошенных респондентов (42 %) чувствуют себя незащищенными перед преступными посягательствами. Чувство защищенности граждан от преступных посягательств определяется в первую очередь социально-демографическими факторами, а также параметрами взаимодействия с полицией (уровень доверия, осведомленность о деятельности участкового уполномоченного полиции). Результаты исследований свидетельствуют об относительно низкой готовности российских граждан к сотрудничеству с полицией. Кроме того, продолжает сохраняться на достаточно высоком уровне процент тех, кто не обращается в органы внутренних дел в случае противоправных посягательств. Также в статье представлен анализ региональной специфики оценок общественной безопасности, региональных различий в восприятии криминогенных угроз. Полученные результаты могут быть использованы в процессе оптимизации уголовно-правовой политики для обеспечения соответствия ее направлений потребностям и интересам граждан. В качестве выводов предлагается разработать комплекс мер по реализации принципов социального партнерства во взаимодействиях граждан и полиции.

THE SECURITY OF CITIZENS AGAINST CRIMINAL OFFENCES IN MODERN RUSSIA: KEY TENDENCIES AND DETERMINANTS

Yelena V. Frolova, Natalia V. Medvedeva, Lyudmila V. Senicheva, Valeriy V. Bondaletov

Russian State Social University, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2015 May 12

Accepted

2015 July 6

Available online

2015 September 30

Keywords

Security level; the police; criminal encroachments; level of trust; victimity; criminal threats

Abstract. The paper analyses some issues connected with the security of Russian citizens against criminal offences. The authors examine how different social groups perceive criminogenic threats and single out the determining factors that define personal security state. They pay special attention to studying how much citizens trust the police and how ready they are for cooperation; the authors also name the factors that limit partnership relations between the citizens and the police. The chosen research method was a quantitative survey conducted in all subjects of the Russian Federation (85 regions), including the Republic of Crimea and Sevastopol. The total number of respondents was 48 800. According to research results, over a third of respondents (42 %) feel unprotected against criminal offences. How secure people feel against criminal offences is primarily determined by the socio-demographic factors as well as the parameters of interaction with the police (the level of trust, information about the work of a district police officer). Research results show that Russian citizens are relatively badly prepared for cooperation with the police. Besides, there is still a high percentage of people who do not turn to the police in the cases of criminal offence. The paper also presents an analysis of the regional specifics of public safety evaluations as well as the regional differences in the perception of criminogenic threats. The obtained results could be used for the optimization of criminal law policy to ensure that it corresponds to the needs and interests of people. In conclusion the authors suggest developing a complex of measures to implement the principles of social partnership in citizens-police relations.

Введение. В современной России криминализация общества является одной из наиболее значимых социальных проблем. Экономический кризис, высокий уровень региональной дифференциации и неравенства доходов населения, распространение бедности, алкоголизма и наркомании, неконтролируемый приток мигрантов инициируют усиление криминальной напряженности в российском обществе. Как отмечают эксперты, «происходящие в Российской Федерации преобразования социально-экономического и политико-правового характера неизбежно осложняют достижение цели создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. На фоне катастрофического снижения уровня жизни основной массы населения, его слабой адаптации к рынку происходит серьезная поляризация доходов, усиливающая виктимность [2].

Так, в 2014 г. было зарегистрировано 2 166,4 тыс. преступлений, четверть из которых (24,3 %) являются тяжкими и особо тяжкими. В результате преступных посягательств погибло 35 тыс. чел., здоровью 52,6 тыс. чел. причинен тяжкий вред. Значительная часть преступлений (43,1 %) регистрируется в республиканских, краевых и областных центрах — всего 934,39 тыс., пятая часть (21,1 %) — в сельской местности, где зарегистрировано 458,1 тыс. преступлений¹. Высокий уровень виктимизации населения определяет негативные тенденции в обеспечении личной безопасности граждан, а также в социально-экономическом развитии общества в целом: подавляет экономическую активность населения, способствует росту его правового нигилизма, как следствие, у людей наблюдается устойчивое смещение чувств в сторону тревожности, беспокойства, страха, в обществе падает уровень доверия к государству и ко всем его институтам. Как отмечают некоторые эксперты, «страх для россиян стал привычным состоянием» [3]. По результатам исследования, более половины наших сограждан опасаются стать жертвой преступных посягательств. Подверженность страхам отражает, с одной стороны, личностные особенности восприятия криминальных угроз, специфику российского менталитета, а с другой стороны, практику деятельности правоохрани-

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2014 года. М.: Гл. информ.-аналит. центр МВД России, 2015. 60 с.

тельных институтов и их оценку в глазах общественности. При разработке научно обоснованной концепции общественной безопасности, рекомендаций по обеспечению эффективного функционирования полиции следует учитывать в первую очередь потребности и интересы населения, что позволит реализовать партнерскую модель взаимодействия граждан и правоохранительных органов. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: анализ оценок уровня защищенности граждан от противоправных посягательств; выявление факторов, определяющих состояние безопасности личности; исследование специфики восприятия угроз криминогенного характера различными социальными группами; измерение уровня доверия к правоохранительным органам и готовности граждан к сотрудничеству с ними, а также определение причин, ограничивающих партнерское взаимодействие граждан и полиции.

Одной из особенностей современного этапа развития общества является «недостаточная последовательность уголовно-правовой политики, огромный разрыв между практикой законодательного органа и научными основами нормотворчества» [4], кроме того, «реальная практика воздействия на преступность совершенно неадекватна складывающейся криминальной ситуации» [5]. Научно-информационное обеспечение уголовно-правовой политики и управленческих решений по повышению эффективности деятельности правоохранительных институтов требует анализа не только нормативно-законодательных аспектов проблемы, но и статистических данных, результатов социологических исследований. Субъективные оценки уровня защищенности граждан от преступных посягательств, восприятие населением криминогенных угроз, его отношение к деятельности полиции позволяют охарактеризовать факторы и уровень криминализации российского общества, состояние латентной преступности, а также выработать направления оптимизации уголовно-правовой политики в соответствии с потребностями и оценками граждан.

Метод исследования. На протяжении длительного времени (с 2009 г.) по заказу МВД России различными научно-исследовательскими учреждениями (ФОМ, ВЦИОМ, РГСУ) ежегодно проводятся социологические исследования с целью изучения общественного

мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел по всем субъектам Российской Федерации. Инструментарий количественного опроса населения в субъектах Федерации разрабатывается с учетом рекомендаций ФГКУ «ВНИИ МВД России». В ходе исследований проводятся количественные опросы населения в каждом субъекте. В 2014 г. исследование проводилось в 85 регионах, включая Республику Крым и Севастополь. Опрашивалось население в возрасте от 18 лет и старше. Общий размер выборки составил 48 800 респондентов.

Оценки уровня защищенности граждан от противоправных посягательств. Более трети опрошенных респондентов (42 %) чувствуют себя незащищенными перед преступными посягательствами на свою жизнь, здоровье и имущество. Оценка уровня личной защищенности граждан определяется в первую очередь демографическими характеристиками. Представители молодой возрастной группы (от 18 до 24 лет) чувствуют себя более уверенно по сравнению с людьми среднего и старшего возраста. Женщины в большей степени, чем мужчины, чувствуют себя уязвимыми для преступных посягательств (46 и 38 % соответственно). Среди социально-профессиональных групп в наибольшей степени подвержены страху из-за возможного посягательства на жизнь и здоровье родственников предприниматели и руководители подразделений (32 %, что выше средневыборочных значений на 5 процентных пунктов). Среди тех, кто подвергался преступным посягательствам, доля респондентов, чувствующих себя незащищен-

ными, выше (50 %, что больше средних значений на 8 процентных пунктов). Респонденты с высоким уровнем дохода (37 %) в меньшей степени ощущают криминальные угрозы.

В ходе исследования была сделана попытка выяснить, в какой степени оценки уровня защищенности граждан определяются характером их взаимодействия с правоохранительными институтами. Так, среди тех, кто не знает своего участкового уполномоченного полиции, несколько ниже доля тех, кто чувствует себя защищенным от преступных посягательств. В то же время среди респондентов, которые знают участкового и иногда общаются с ним, отмечена наименьшая доля граждан, чувствующих себя незащищенными от преступных посягательств (45 %, что на 10 процентных пунктов ниже, чем в группе не знающих своего участкового) (рис. 1).

Полученные результаты подтверждают выдвинутую нами гипотезу о том, что оценка деятельности правоохранительных органов во многом определяется качеством работы участковых уполномоченных полиции, как сотрудников, наиболее приближенных к населению. «Повышение доступности полиции для населения» является одним из наиболее значимых факторов обеспечения общественной безопасности [6].

Еще более ярко выражена зависимость между уровнем доверия к полиции и ощущением защищенности от преступных посягательств. Среди респондентов, доверяющих полиции в обеспечении личной и имущественной безопасности, значительно выше доля тех, кто чувствует себя защищенным (75 %, что превышает среднее значение на 21 процентный пункт).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Вы в целом чувствуете себя защищенным или незащищенным от преступных посягательств на Вашу жизнь, здоровье, имущество и т.д.?», % от общего числа опрошенных

Таким образом, чувство защищенности граждан от преступных посягательств определяется в первую очередь такими факторами, как уровень доходов, возраст, пол, род деятельности, место проживания, а также параметры взаимодействия с полицией (уровень доверия, осведомленность о деятельности участкового уполномоченного полиции).

Помимо вопроса о том, как россияне оценивают — опаснее или безопаснее стало жить в их городе или районе в целом, респондентам было предложено отметить, как изменилось их личное чувство безопасности за последние годы. Ответы на данный вопрос иллюстрируют некоторые позитивные тенденции. Так, только 22 % опрошенных стали чувствовать себя менее защищенными за последние годы, 45 % считают, что в их ощущениях ничего не изменилось, 29 % в той или иной мере позитивно оценивают произошедшие изменения. С предыдущего замера (2013 г.) распределение ответов на этот вопрос несколько трансформировалось — заметно увеличилась доля тех, кто стал чувствовать себя более защищенным за последние годы.

Особенности восприятия конкретных криминальных угроз различными группами населения. По результатам опроса, каждый четвертый россиянин (27 %) часто испытывает тревогу из-за возможного посягательства на жизнь и здоровье родственников. Этот страх гораздо более выражен, чем опасения за собственную жизнь («боюсь, что меня убьют или покалечат» — 18 %). Беспокоит россиян также возможность потерять имущество в результате ограбления, кражи или мошенничества (20 %), вследствие пожара, технической аварии (19 %). Распространение криминальных страхов и опасений в обществе инициирует высокий уровень социальной напряженности, негативно сказываясь на эмоционально-психологическом состоянии личности. Страх перед преступными посягательствами является одним из важнейших факторов, ограничивающих позитивное восприятие жизни человеком. При этом опасения преступных посягательств против личности в значительно большей степени негативно сказываются на оценке уровня благополучия, ощущении счастья человеком, нежели страх перед преступлениями против собственности [7].

Что касается страхов, основанных на критичном отношении к органам власти и полиции, то они не относятся к числу наиболее часто упо-

минаемых. Опасаются произвола со стороны чиновников 9 % опрошенных, со стороны сотрудников полиции — 11 % (табл.).

**Распределение ответов на вопрос:
«Какого рода страхи, опасения, тревоги
Вы испытываете чаще всего?»**

Вариант ответа	Доля от общего числа опрошенных, %
Боюсь, что меня убьют или покалечат	18
Боюсь, что убьют или покалечат моих близких родственников	27
Боюсь лишиться имущества в результате ограбления, кражи или мошенничества	20
Боюсь лишиться имущества вследствие пожара, технической аварии и т.п.	19
Боюсь разорения, нищеты	20
Боюсь клеветы, наговоров	10
Боюсь за благополучие своей семьи	46
Боюсь за будущее детей	44
Опасаясь произвола со стороны сотрудников полиции	11
Опасаясь потерять работу	19
Боюсь болезней	34
Боюсь спиться, стать алкоголиком	4
Опасаясь стать наркоманом	2
Опасаясь произвола со стороны чиновников	9
Опасаясь пострадать в ходе межэтнических, межнациональных конфликтов	7
Другое	0
Ничего не боюсь	12
Затрудняюсь ответить	5

Источники тревог и беспокойства различаются по своей интенсивности в тех или иных социально-демографических группах. Закономерно, что страх за будущее детей, боязнь болезней наиболее выражены в старших возрастных группах. Молодежь (респонденты в возрасте от 18 до 24 лет) более оптимистична в целом, вариант ответа «ничего не боюсь» встречается на 5 процентных пунктов чаще, чем в среднем по выборке. Молодые люди, с одной стороны, в меньшей степени обеспокоены социальными рисками («боюсь за благополучие семьи», «боюсь болезней» и др.), но, с другой стороны, именно в данной возрастной группе острее ощущаются криминальные угрозы (рис. 2).

Предприниматели в меньшей степени испытывают страхи по поводу болезней (25 %, что на 9 процентных пунктов ниже средних значений), реже беспокоятся за благополучие семьи и будущее детей. В то же время именно в данной социальной группе более интенсивно выражены страхи, касающиеся возможности лишиться имущества в результате ограбления, кражи или мошенничества. Кроме того, в этой группе заметно больше, чем в среднем по выборке, тех, кто испытывает опасения по поводу произвола со стороны полиции (16 %) и чиновников (9 %). Острее всего страх за собственную жизнь и здоровье переживают респонденты с высоким уровнем дохода, каждый четвертый из них «боятся, что его могут убить или покалечить». Таким образом, «положение наиболее обеспеченных слоев населения России тоже во многом характеризуется виктимностью, о чем свидетельствует, например, значительное распространение насилия в отечественных деловых кругах» [8].

Среди российских регионов территорией повышенной тревожности оказалась Москва. Почти по всем показателям московская статистика заметно превышает средневыворочные значения, наиболее высока здесь озабоченность экономическими угрозами: боятся разорения, нищеты 24 % столичных жителей, потерять работу — 22 %. Выше уровень и криминологических страхов: боятся, что убьют или покалечат близких родственников, 30 %, за свою жизнь и здоровье опасается каждый пятый житель столицы

(21 %). В Москве респонденты чуть больше, чем россияне в целом, страшатся пострадать в ходе межэтнических, межнациональных конфликтов (9 %), однако надо отметить, что уровень тревожности по данному показателю снижается (в 2012 г. каждый пятый житель Москвы (21 %) испытывал подобного рода страхи). В сельских населенных пунктах страхи перед криминальными угрозами выражены несколько слабее: 23 % опасаются, что их близкие родственники могут быть убиты или покалечены (в среднем по России — 27 %), 17 % опасаются за свою жизнь и здоровье (в среднем по России — 18 %), 17 % боятся лишиться имущества в результате ограбления, кражи или мошенничества (в среднем по России — 20 %). Незначительный уровень поселенческой дифференциации в восприятии страхов перед преступными посягательствами свидетельствует о «постепенном выравнивании уровней криминогенной виктимности городского и сельского населения» [9].

Рассмотрим категории преступных посягательств, вызывающих наибольшую тревогу у граждан. Восприятие и оценка конкретных опасений отражают не только объективную реальность, но и определенный культурно-исторический опыт, систему ценностных ориентаций, ментальных установок, сложившихся в обществе [10]. В данном аспекте весьма закономерным является тот факт, что наибольшую угрозу для российского населения представляют водители, находящиеся в состоянии алкогольного

Рис. 2. Особенности восприятия социальных рисков и криминальных угроз различными возрастными группами населения, % от общего числа опрошенных

опьянения. Так, две трети опрошенных (68 %) опасаются, что могут стать жертвой пьяных водителей. Другие угрозы воспринимаются респондентами чуть менее остро: более половины россиян (56–57 %) испытывают страх, что могут стать жертвой хулиганов, воров, грабителей, наркоманов. Отметим, что алкоголизм и наркомания, являясь весьма острыми проблемами современной России, становятся «питательной почвой для бытовой преступности и правонарушаемости». И если пьянство — это многовековая беда России, то наркотизм для нашей страны представляет собой относительно новое явление, но уже приобретшее неуправляемый и глобальный характер. Так, в январе — декабре 2014 г. выявлено 253,5 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 9,5 % больше, чем за аналогичный период прошлого года¹. Данные явления находят свое отражение в восприятии криминальных угроз, детерминируя рост виктимологической уязвимости наших сограждан. Отметим также, что проблема алкоголизма и наркомании, по результатам исследования, входит в пятерку наиболее острых проблем, волнующих наших сограждан (43 % опрошенных отметили, что их очень сильно беспокоят данные явления). Как подчеркивают отечественные и зарубежные ученые, связь между криминализацией общества, преступностью и распространением алкоголизма и наркомании весьма устойчива [11]. Анализ результатов глубинного интервью лиц, совершивших преступные деяния, позволил сделать вывод, что к факторам реинтеграции их в общество относились такие, как занятость, семейная поддержка, личная мотивация, в то время как злоупотребление наркотиками, по мнению большинства опрошенных, было основным фактором, инициировавшим их преступную деятельность [12].

Результаты последнего исследования (2014 г.) свидетельствуют о высоком уровне распространения криминогенных угроз среди населения (рис. 3). Большинство опрошенных опасаются стать жертвами маргинальных социальных групп, а также различного рода преступников (воров, грабителей, мошенников и т.д.).

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2014 года.

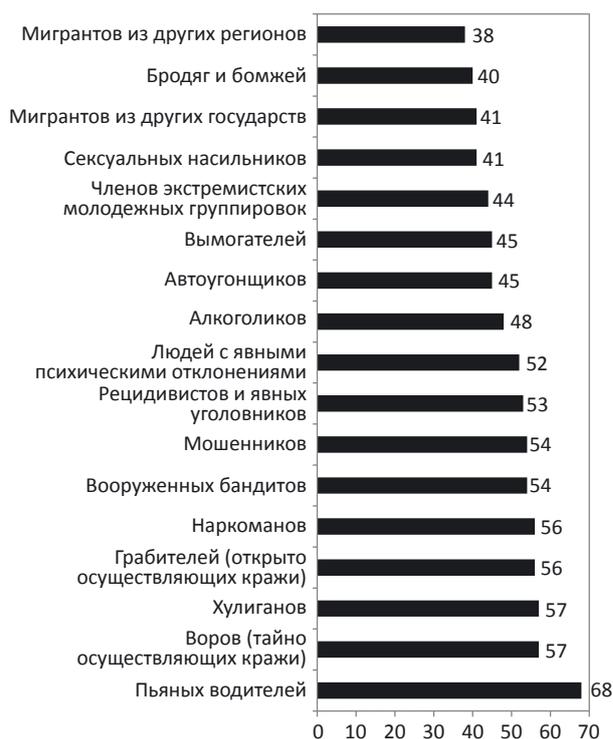

Рис. 3. Распределение опасений граждан по видам преступных посягательств, % от общего числа опрошенных

Уровень доверия к полиции. Уровень доверия населения к правоохранительной системе, и в первую очередь к полиции, как к наиболее приближенному к конкретному человеку ее элементу, является ключевым показателем стабильности общества, эффективного выполнения государством своей базовой функции — обеспечения безопасности и социального благополучия граждан. «Общественное мнение по отношению к полиции может рассматриваться как барометр прогресса в том, как правительство служит интересам и нуждам населения» [13]. Степень доверия правоохранительным органам означает обращение к ним и помощь, содействие им со стороны населения в раскрытии преступлений, говорит об эффективности их работы [14].

Две трети российских граждан доверяют полиции (при этом доля тех, кто «скорее доверяет», в 2,6 раза превышает долю респондентов, отметивших, что «в целом доверяют»). Каждый четвертый россиянин (28 %) не доверяет полиции в обеспечении личной и имущественной безопасности, еще 5 % опрошенных затруднились с ответом. Полученные данные коррелиру-

ют с оценками степени уверенности граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов. Соответственно за последние четыре года выросла и доля респондентов, доверяющих полиции в обеспечении личной и имущественной безопасности (с 52 до 66 %).

Рост уровня доверия к полиции влечет за собой и повышение эффективности функционирования всей правоохранительной системы за счет таких показателей, как:

- готовность к сотрудничеству с правоохранительными институтами со стороны граждан, что в значительной степени способствует эффективности оперативно-розыскных мероприятий;
- правовая культура граждан, готовность следовать установленным правилам поведения в обществе, уголовно-правовым нормам;
- социальный престиж полиции, что определяет возможность кадрового отбора в органы внутренних дел наиболее перспективных молодых людей.

Кроме того, «легитимность правоохранительной системы является важным социальным механизмом, сдерживающим преступность и насилие в обществе. Отсутствие легитимности может также способствовать таким процессам, как: уклонение от общения с полицией, нежелание сообщать о совершенных правонарушениях, апелляция к собственным ресурсам в случае преступных посягательств» [15].

Тем не менее, несмотря на рост доверия к полиции, значительная часть наших сограждан, как показывают результаты нашего исследования, не надеется на помощь правоохранительных институтов в случае противоправных посягательств: 8 % из них решают проблемы самостоятельно, 22 % чаще всего прибегают к помощи членов семьи, друзей и родственников, 19 % никуда не обращаются. Рассмотрим причины, по которым граждане не обращаются в органы внутренних дел в случае противоправных посягательств. В основе всей совокупности факторов лежит в первую очередь экономическая рациональность. Так, каждый третий опрошенный отметил «незначительность ущерба», причиненного ему преступниками, в качестве основной причины необращения в полицию, 31 % респондентов считают, что «обращение в органы внутренних дел отнимет много времени и нервов». «Экономическая модель», по мнению экспертов, — наиболее распространенная

версия уклонения от обращения в полицию по поводу противоправных посягательств. «Сообщение о преступлении требует затрат: от начального контакта с полицией к участию в длинном, иногда напряженном интервью на предмет обстоятельств, сопутствующих преступлению, к возможному предоставлению доказательств в суде» [16]. Особенностью российской действительности является то, что 28 % наших сограждан не верят в то, что органы внутренних дел смогут помочь им, а около четверти респондентов (22 %) «пытаются действовать самостоятельно». При этом не рассчитывают на помощь полиции в первую очередь представители таких профессиональных групп, как предприниматели (36 %) и руководители (43 %), что превышает общероссийский показатель на 8 и 15 процентных пунктов соответственно. Оценивая профессиональные и личностные характеристики сотрудников полиции, респонденты в первую очередь были не удовлетворены качеством реагирования на обращения граждан, недостаточным стремлением помочь, в то время как вежливость, доброжелательность, профессионализм, внешний вид и физическая развитость полицейских, по мнению большинства опрошенных, соответствуют требованиям. Среди респондентов, имевших опыт взаимодействия с сотрудниками полиции за последние 12 месяцев, 39 % отметили, что их деятельность не соответствовала таким требованиям, как инициативность, стремление помочь, а также быстрота реагирования на обращения.

Одним из значимых аспектов взаимодействия полиции и населения является готовность граждан к сотрудничеству. Поддержка со стороны общества необходима для получения своевременной и достоверной информации о правонарушениях, угрозах общественному порядку в целях профилактики и расследования преступлений. «Без доверия и сотрудничества (а второе без первого маловероятно) со стороны граждан полиция во многих случаях оказывается бессильной и беспомощной в решении поставленных перед ней задач, что еще больше подрывает ее авторитет и функциональную эффективность» [17]. Результаты исследования показали незначительную готовность российских граждан к сотрудничеству с правоохранительными органами. По мнению экспертов, «уровень правосознания россиян довольно низок, а степень презрения к закону слишком ве-

лика» [18]. Почти каждый третий опрошенный (31 %) отметил, что не готов оказывать помощь сотрудникам полиции. Что касается различных аспектов сотрудничества, в большей степени граждане готовы сообщать информацию о подозрительных лицах и событиях (44 %), предоставлять свидетельские показания, опознавать преступников (32 %), выступать в качестве понятых (28 %), сообщать информацию о правонарушениях экстремистского и террористического характера (18 %). Относительно более активных форм сотрудничества можно отметить, что здесь уровень готовности граждан значительно ниже: 9 % могли бы оказать содействие в задержании преступника и пресечении правонарушений, 8 % — лично участвовать в охране общественного порядка и проведении иных полицейских мероприятий (рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Готовы Вы или нет в определенных ситуациях оказать помощь сотрудникам полиции? Если да, то каким образом?» в 2012–2014 гг., % от общего числа опрошенных

Результаты социологических исследований свидетельствуют о снижении уровня готовности граждан к сотрудничеству с правоохранительными органами. По сравнению с 2013 г. в 2 раза сократилась доля граждан, готовых к таким активным формам взаимодействия, как задержание преступника и пресечение правонарушений, а также охрана общественного порядка.

В 1,5 раза уменьшилась доля граждан, готовых давать свидетельские показания, сообщать информацию о подозрительных лицах и событиях. Соответственно, в значительной степени увеличилась доля тех, кто сегодня не готов проявлять гражданскую активность в правоохранительных действиях, взаимодействовать с органами охраны правопорядка и оказывать помощь сотрудникам полиции. Ключевым звеном такого взаимодействия является правовой статус индивида, включающий в себя соотношение прав и свобод, благодаря которым формируется основание для развития гражданской активности и ее форм. При этом власть, с одной стороны, представляется источником прав и свобод, а с другой — служит гарантом их практической реализации [19].

В связи с этим, на наш взгляд, возрастает необходимость разработки комплекса мер, правовой базы взаимодействия общественности с правоохранительными органами. Значительные позитивные шаги в данном направлении связаны с вступлением в силу Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка» от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ, который предусматривает «расширенное использование участия граждан и их объединений в охране общественного порядка как одного из важнейших условий эффективной правоохранительной деятельности» [20]. Данный закон содержит ряд нововведений, свидетельствующих об изменении подхода законодателя к участию граждан в обеспечении правопорядка. В соответствии с вышеуказанным федеральным законом граждане имеют право принимать участие в охране своих прав как лично, так и в составе коллектива [21]. Однако, по мнению ряда исследователей, «Федеральный закон № 44-ФЗ, прописав основные принципы организации и работы добровольных народных дружин, незаслуженно обошел ряд вопросов, в частности, о требованиях пригодности к данному виду деятельности» [22], ее «финансирования, страхования, а также обеспечения государственной защиты лиц, исполняющих обязанности по охране общественного порядка» [23].

Региональная специфика восприятия криминогенных угроз. На уровне федеральных округов самые благополучные оценки уровня личной защищенности отмечены в Крымском и Северо-Кавказском федеральных округах. Для

Крымского федерального округа характерна особая ситуация с субъективными оценками уровня безопасности граждан. Средние значения по округу являются достаточно выраженными и иллюстрируют наиболее высокие показатели уровня защищенности личности от преступных посягательств, а также самые оптимистичные оценки происходящих изменений в сфере безопасности. В регионе подавляющее большинство респондентов (82 %) чувствуют себя защищенными от преступных посягательств, что на 28 процентных пунктов выше, чем среднероссийская статистика. При этом 79 % отметили, что за последнее время их собственное ощущение безопасности изменилось в лучшую сторону (выше средних значений на 50 процентных пунктов). Среди других федеральных округов наиболее благоприятная ситуация складывается в Северо-Кавказском ФО, три из семи регионов которого занимают первые позиции в списке наиболее благополучных по анализируемому вопросу регионов: Чеченская Республика (93 % чувствуют себя защищенными, второе место в рейтинге после Севастополя), Республика Северная Осетия — Алания (88 %), Карачаево-Черкесская Республика (75 %).

Полученные результаты опроса подтверждаются статистическими данными. Так, в 2013 г. к регионам с самым низким числом зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения относились Чеченская Республика (272 преступления), Республика Ингушетия (391), Республика Дагестан (474), Карачаево-Черкесская Республика (766). Исключение составляет ситуация в Республике Дагестан. Несмотря на положительные данные официальной статистики о числе зарегистрированных преступлений, каждый второй опрошенный (50 %) в регионе чувствует себя незащищенным перед преступными посягательствами.

Благоприятная ситуация характерна для Северо-Кавказского федерального округа по ряду показателей. В частности, здесь выше доля респондентов, отмечающих, что жить в регионе стало безопаснее (60 %, в среднем по России — 51 %). Более оптимистичны жители округа и в оценках изменения уровня личной защищенности (35 % стали чувствовать себя более защищенными, в среднем по России — 29 %).

Статистические и эмпирические данные, характеризующие криминальную ситуацию в

регионах Северо-Кавказского федерального округа, обусловлены рядом специфических факторов. В первую очередь это «этнопсихологические особенности, детерминирующие высокую латентность составляющей преступности. Местные жители предпочитают решать возникающие проблемы уголовно-правового характера самостоятельно, без участия правоохранительных органов. Более того, на фоне общей нестабильности многим общеуголовным преступлениям придается гораздо меньшее значение, в том числе и со стороны потерпевших» [24]. Как отмечают исследователи, в регионе «достаточно сложно осуществлять оперативно-розыскную деятельность и выполнять необходимые уголовно-процессуальные действия» [25].

Если исключить из анализа Крымский ФО, где результаты в наибольшей степени отклонены от средних значений и иллюстрируют очень благоприятную картину, то по другим федеральным округам различия средних значений не слишком велики. В то же время уровень региональной дифференциации более интенсивен и колеблется от минимальных 6–11 % (доля респондентов, считающих, что жить стало опаснее) в Севастополе и Республике Северная Осетия — Алания до 84 % респондентов из Калужской области, отмечающих возрастающую опасность жизни в регионе.

Региональные различия в уровне тревог криминогенной природы достаточно закономерны и связаны с дифференциацией социально-экономического развития российских территорий. В результате дисбаланса в регионах существует огромный разрыв в условиях занятости населения, уровне и качестве его жизни. На сегодняшний день успешно развивается только небольшая часть регионов, большинство являются дотационными. Отметим, что доминирующая тенденция развития современной России — формирование биполярных условий регионального развития: с одной стороны, концентрация инфраструктурных объектов в крупных центрах, инвестиционно привлекательных регионах, а с другой стороны, расширение зон устойчивой депрессии в сельских поселениях, малых городах, отдаленных регионах. Масштабы дифференциации таковы, что они представляют для страны не только экономическую и социальную проблему, но и угрозу национальной безопасности [26]. Данные тенденции находят

свое отражение в региональной специфике восприятия криминальных угроз.

Рассмотрим также различия в степени распространенности конкретных криминологических страхов и тревог. Среди федеральных округов наиболее высокая доля тех, кто опасается посягательств на свою жизнь и здоровье, оказалась в Северо-Западном ФО: 34 % его жителей указали данную позицию. Отметим, что распространенность криминологических страхов в данном федеральном округе превышает средние значения по ряду показателей. Здесь наиболее высока доля граждан, опасющихся за свою жизнь и здоровье, за жизнь и здоровье близких родственников, боящихся стать жертвой произвола со стороны сотрудников полиции.

По сравнению с 2013 г. доля жителей Северо-Западного ФО, опасющихся посягательств на свою жизнь и здоровье, увеличилась в 2 раза — с 17 до 34 %. Среди регионов, в которых особенно высока доля жителей, опасющихся быть убитыми или покалеченными, два региона Северо-Западного ФО занимают вторую и третью строки «рейтинга» (Санкт-Петербург, Ленинградская область). Так, 51 % жителей Санкт-Петербурга испытывают страх быть убитыми или покалеченными (выше средних показателей на 33 процентных пункта), 47 % опасаются преступных посягательств на жизнь и здоровье близких родственников (выше средних показателей на 20 процентных пунктов). Закономерно, что и произвола со стороны сотрудников полиции в Санкт-Петербурге опасаются в значительно большей степени, чем в других регионах (23 %, что выше средних показателей на 12 процентных пунктов).

Выводы. Разработка механизмов обеспечения безопасности личности должна опираться не только на анализ статистических данных, но и на результаты эмпирических исследований, характеризующих субъективную оценку населением современных угроз криминогенного характера, изучение региональных аспектов данной проблемы.

Анализ результатов исследований позволил выявить ряд положительных тенденций. В первую очередь, россияне в большинстве своем позитивно оценивают изменения уровня безопасности, произошедшие в их регионе за последние годы. Так, более половины опрошенных (51 %) считают, что в последние год-два жить стало без-

опаснее. Показатели уровня криминологической тревоги в целом иллюстрируют тенденцию роста доли граждан, чувствующих свою защищенность от преступных посягательств на их жизнь, здоровье и имущество, с 37 % в 2010 г. до 54 % в 2014-м. В то же время незащищенными от преступников чувствуют себя 42 % россиян, что является достаточно тревожным индикатором уровня общественной безопасности в нашей стране. Более половины наших сограждан (а по ряду угроз — две трети опрошенных респондентов) опасаются стать жертвами маргинальных социальных групп, а также различного рода преступников (воров, грабителей, мошенников и т.д.). Доверяют сотрудникам полиции две трети опрошенных россиян. В то же время результаты исследований свидетельствуют об относительно низкой готовности наших сограждан к сотрудничеству с полицией, продолжает сохраняться на достаточно высоком уровне процент граждан, не обращающихся в органы внутренних дел в случае противоправных посягательств. Анализ динамики обращений в полицию за последние пять лет показал, что в целом потерпевшие граждане стали реже обращаться в полицию по сравнению с 2010 г. В 2014 г. наблюдаются самые низкие показатели обращений граждан в полицию.

Таким образом, результаты исследования подтверждают необходимость перехода от традиционной модели взаимодействия органов внутренних дел с населением к современной, основанной на партнерских отношениях. Подобные модели существуют в зарубежных странах (community policing (общественная полиция), problem-oriented policing (проблемно ориентированная полиция) и др. [27]) и предполагают интеграцию общества в правоохранительную систему. Это обусловлено тем, что органы внутренних дел в настоящее время должны вести активный диалог с населением, своевременно реагировать на потребности общества, так как одной из важнейших функций правоохранительной деятельности полиции является удовлетворение потребностей населения в правоохранительных услугах. Деятельность полиции должна быть социально ориентированной, что предполагает активные формы сотрудничества с населением не только по выявлению правонарушений, но и по их профилактике. В связи с этим со стороны органов внутренних дел требуются комплексные меры по повышению

уровня социального взаимодействия граждан и полиции на основе принципов социального партнерства, что позволит им проводить более эффективную политику в сфере охраны общественного порядка, обеспечения общественной

безопасности и противодействия преступности. Только при условии конструктивного социального взаимодействия населения и полиции оценка ее деятельности населением и уровень доверия к ней будут наиболее высокими.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев В.А. Правовое регулирование условного исполнения наказания / В.А. Авдеев. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — 350 с.
2. Невский Н.Н. Маргинальность и криминальная виктимность / Н.Н. Невский // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. — 2011. — № 4. — С. 104–109.
3. Выговская Д.В. Страхи в Российском обществе: роль, функции, значение / Д.В. Выговская // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). — 2012. — № 5. — С. 232–236.
4. Бурлаков В.Н. Уголовно-правовая политика, современное законодательство и преступность / В.Н. Бурлаков // Современные проблемы уголовной политики : 5-я Междунар. науч.-практ. конф., 3 окт. 2014 г. / под ред. А.Н. Ильяшенко. — Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2014. — С. 287–293.
5. Назаренко Г.В. Современная уголовно-правовая политика Российской Федерации и ее отражение в доктрине / Г.В. Назаренко, А.Ю. Гревцева // Среднерусский вестник общественных наук. — 2015. — № 2 (38). — С. 129–133.
6. Киричк Е.В. Реформа полиции в России: проблемы и перспективы / Е.В. Киричк // Власть. — 2014. — № 7. — С. 59–63.
7. Staubli S. Happiness and victimization: An empirical study for Switzerland / S. Staubli, M. Killias, B.S. Frey // European Journal of Criminology January. — 2014. — № 11. — P. 57–72. — First published on July 2, 2013. — DOI: [10.1177/1477370813486866](https://doi.org/10.1177/1477370813486866).
8. Емельянов И.Л. Виктимность и виктимизация: понятие, виды, проблемы профилактики / И.Л. Емельянов // Известия Алтайского государственного университета. — 2013. — № 2-1 (78). — С. 241–246.
9. Вишневецкий К.В. Виктимологические аспекты социальной стратификации в постиндустриальном обществе / К.В. Вишневецкий // Современное право. — 2007. — № 12 (1). — С. 56–60.
10. Иванова В.А. Структура и интенсивность страха в России в конце XX века : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / В.А. Иванова. — М., 2000. — 22 с.
11. Lightowers C. The Dynamic Risk of Heavy Episodic Drinking on Interpersonal Assault in Young Adolescence and Early Adulthood / C. Lightowers, M. Elliot, M. Tranmer // British Journal of Criminology. — 2014. — № 54 (6). — P. 1207–1227. — DOI: [10.1093/bjc/azu055](https://doi.org/10.1093/bjc/azu055).
12. Davis C. The process of offender reintegration: Perceptions of what helps prisoners reenter society / C. Davis, S.J. Bahr, C. Ward // Criminology and Criminal Justice. — 2013. — № 13 (Sept.). — P. 446–469. — First published on August 13, 2012. — DOI: [10.1177/1748895812454748](https://doi.org/10.1177/1748895812454748).
13. Cao L. Confidence in the Police in Latin America / L. Cao, J. Zhao // Journal of Criminal Justice. — 2005. — Vol. 33, № 5. — P. 403–412.
14. Бочков А.А. Основные направления снижения массовой и индивидуальной виктимности населения / А.А. Бочков // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2014. — Т. 25, № 4. — С. 85–94.
15. Nivette A. Legitimacy and crime: Theorizing the role of the state in cross-national criminological theory / Amy Nivette // Theoretical Criminology February. — 2014. — № 18. — P. 93–111. — First published on September 11, 2013. — DOI: [10.1177/1362480613499793](https://doi.org/10.1177/1362480613499793).
16. Sidebottom A. On the Correlates of Reporting Assault to the Police in Malawi / A. Sidebottom // British Journal of Criminology. — 2015. — № 55 (2). — P. 381–398.
17. Гимпельсон В. Доверие к полиции: межстрановой анализ / В. Гимпельсон, Г. Монусова // Вопросы экономики. — 2012. — № 11. — С. 24–47.
18. Костина О. «Отбывание номера» исключено / О. Костина // Полиция России. — 2014. — № 2. — С. 15–17.
19. Bondaletov V.V. Local Politics, Business, People: Issues and Cooperation Strategies [Electronic resource] / V.V. Bondaletov, N.V. Medvedeva, L.V. Sencheva, E.V. Frolova, E. Santos // Journal of Advanced Research in Law and Economics. — 2014. — Vol. 5, № 2 (10). — P. 63–73. — DOI: [10.14505/jarle.v5.2\(10\).02](https://doi.org/10.14505/jarle.v5.2(10).02). — Mode of access : <http://www.asers.eu/journals/jarle/jarle-issues>.
20. Потапенкова И.В. О проблемных вопросах реализации Федерального Закона от 2 апреля 2014 г. № 44 ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» / И.В. Потапенкова // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 10. — С. 280–283.
21. Новиков Д.О. Анализ и практика применения Федерального Закона № 44 ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» от 2 апреля 2014 г. / Д.О. Новиков // Проблемы права. — 2015. — № 2 (50). — С. 120–123.
22. Лосев А.Н. Добровольные народные дружины как фактор воспитания социально активной личности / А.Н. Лосев, С.В. Новиков // Социально-экономические явления и процессы. — 2014. — Т. 9, № 12. — С. 307–310.
23. Данелян Р.Н. Проблемные вопросы законодательного регулирования деятельности членов общественных объединений по охране общественного порядка в Российской Федерации / Р.Н. Данелян // Концепт. — 2015. — Т. 13. — С. 4566–4570.
24. Федоренко С.А. Криминологический анализ общих тенденций преступности на территории Северо-Кавказского федерального округа / С.А. Федоренко // Актуальные проблемы современной науки : Всерос. науч.-практ. конф. — Ставрополь : Сев.-Кавк. гуманитар.-техн. ин-т, 2012. — С. 185–189.

25. Тупалиев О.М. Криминологические особенности преступности в Северо-Кавказском федеральном округе (на материалах Республики Дагестан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.М. Тупалиев. — М., 2011. — 31 с.
26. Фролова Е.В. Региональная дифференциация: роль социальной инфраструктуры / Е.В. Фролова // Россия и современный мир. — 2012. — № 4. — С. 49–61.
27. Случевская Ю. Зарубежный опыт партнерских отношений граждан и полиции / Ю. Случевская // Профессионал. — 2012. — № 2. — С. 21–24.

REFERENCES

1. Avdeev V.A. *Pravovoe regulirovanie uslovnogo ispolneniya nakazaniya* [Legal regulation of a suspended sentence]. Irkutsk, Baikal National University of Economics and Law Publ., 2013. 350 p.
2. Nevskii N.N. Marginality and Criminal Victimity. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii = Bulletin of the Academy of Economic Security of the Russian Ministry of Internal Affairs*, 2011, no. 4, pp. 104–109. (In Russian).
3. Vygovskaya D.V. Fears of the Russian society: their role, function and meaning. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI) = Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI)*, 2012, no. 5, pp. 232–236. (In Russian).
4. Burlakov V.N. Criminal law policy, modern legislation and criminality. In Il'yashenko A.N. (ed.). *Sovremennye problemy ugovolnoi politiki. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 3 oktyabrya 2014 g.* [Materials of the 5th International Science and Practice Conference, Oct. 3, 2014]. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2014, pp. 287–293. (In Russian).
5. Nazarenko G.V., Grevtseva A.Yu. Contemporary criminal law policy of the Russian Federation and its reflection in the doctrine. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russia's Bulletin of Social Sciences*, 2015, no. 2 (38), pp. 129–133. (In Russian).
6. Kirichek E.V. Police reform in Russia: issues and prospects. *Vlast' = The Power*, 2014, no. 7, pp. 59–63. (In Russian).
7. Staubli S., Killias M., Frey Bruno S. Happiness and victimization: An empirical study for Switzerland. *European Journal of Criminology*, 2014, no. 11 (January), pp. 57–72, first published on July 2, 2013. DOI: 10.1177/1477370813486866.
8. Emelyanov I.L. Victimization and Victimity: Concept, Types, Preventing Problems. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Altai State University*, 2013, no. 2-1 (78), pp. 241–246. (In Russian).
9. Vishnevetskii K.V. Victimological aspects of social stratification in the post-industrial society. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2007, no. 12 (1), pp. 56–60. (In Russian).
10. Ivanova V.A. *Struktura i intensivnost' strakha v Rossii v kontse XX veka. Aftoref. Kand. Diss.* [The structure and intensity of fear in Russia in late 20th century. Cand. Diss. Thesis]. M., 2000. 22 p.
11. Lightowlers C., Elliot M., Tranmer M. The Dynamic Risk of Heavy Episodic Drinking on Interpersonal Assault in Young Adolescence and Early Adulthood. *British Journal of Criminology*, 2014, no. 54 (6), pp. 1207–1227. DOI: 10.1093/bjc/azu055.
12. Davis C., Bahr S.J., Ward C. The process of offender reintegration: Perceptions of what helps prisoners reenter society. *Criminology and Criminal Justice*, 2013, no. 13 (September), pp. 446–469, first published on August 13, 2012. DOI: 10.1177/1748895812454748.
13. Cao L., Zhao J. Confidence in the Police in Latin America. *Journal of Criminal Justice*, 2005, vol. 33, no. 5, pp. 403–412.
14. Bochkov A.A. Key directions of reducing popular and individual victimity of population. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of Saint Petersburg Juridical Academy*, 2014, vol. 25, no. 4, pp. 85–94. (In Russian).
15. Nivette A. Legitimacy and crime: Theorizing the role of the state in cross-national criminological theory. *Theoretical Criminology*, 2014, no. 18 (February), pp. 93–111, first published on September 11, 2013. DOI: 10.1177/1362480613499793.
16. Sidebottom A. On the Correlates of Reporting Assault to the Police in Malawi. *British Journal of Criminology*, 2015, no. 55 (2), pp. 381–398.
17. Gimpel'son V., Monusova G. Trusting the police: inter-country analysis. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 2012, no. 11, pp. 24–47. (In Russian).
18. Kostina O. «Formal approach» is out of the question. *Politsiya Rossii = Russian Police*, 2014, no. 2, pp. 15–17. (In Russian).
19. Bondaletov V.V., Medvedeva N.V., Sencheva L.V., Frolova E.V., Santos E. Local Politics, Business, People: Issues and Cooperation Strategies. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2014, vol. 5, no. 2 (10), pp. 63–73, DOI: 10.14505/jarle.v5.2(10).02. Available at: <http://www.asers.eu/journals/jarle/jarle-issues>.
20. Potapenkova I.V. On some issues of implementing Federal Law of April 2, 2014 № 44 «On Participation of Citizens in the Protection of Public Order». *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 10, pp. 280–283. (In Russian).
21. Novikov D.O. Analysis and Practice of Federal Law No. 44-FZ «On Participation of Citizens in the Protection of Public Order» as of 02.04.2014. *Problemy prava = Issues of Law*, 2015, no. 2 (50), pp. 120–123. (In Russian).
22. Losev A.N., Novikov S.V. Voluntary militia as a factor in the upbringing of a socially active person. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-economic Processes and Phenomena*, 2014, vol. 9, no. 12, pp. 307–310. (In Russian).
23. Danelyan R.N. Problem areas in legislative regulation of the work of non-governmental public order protection units in the Russian Federation. *Kontsept = Concept*, 2015, vol. 13, pp. 4566–4570. (In Russian).
24. Fedorenko S.A. Criminological analysis of general criminal trends on the territory of Northern Caucasus. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki. Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Topical Issues of Contemporary Science. All-Russian Science and Practice Conference]. Stavropol, Northern Caucasus Humanitarian Technical Institute Publ., 2012, pp. 185–189. (In Russian).
25. Tupaliev O.M. *Kriminologicheskie osobennosti prestupnosti v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge (na materialakh Respubliki Dagestan). Aftoref. Kand. Diss.* [Criminological characteristics of crimes committed in the Northern Caucasus Federal District (using the example of the Dagestan Republic). Cand. Diss. Thesis]. M., 2011. 31 p.

26. Frolova E.V. Regional differentiation: the role of social infrastructure. *Rossiya i sovremenniy mir = Russia and the Contemporary World*, 2012, no. 4, pp. 49–61. (In Russian).

27. Sluchevskaya Yu. Foreign experience of partnerships of police and citizens. *Professional*, 2012, no. 2, pp. 21–24. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фролова Елена Викторовна — доцент кафедры государственного, муниципального управления и социальной инженерии Российского государственного социального университета, доктор социологических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: efrolova06@mail.ru.

Медведева Наталия Владимировна — доцент кафедры государственного, муниципального управления и социальной инженерии Российского государственного социального университета, кандидат социологических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: nmedvedeva1984@mail.ru.

Сеничева Людмила Викторовна — преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и социальной инженерии Российского государственного социального университета, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: ludmilasenicheva@yandex.ru.

Бондалетов Валерий Викторович — заведующий кафедрой государственного, муниципального управления и социальной инженерии Российского государственного социального университета, кандидат социологических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: bondaletovvv@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Фролова Е.В. Защищенность граждан от преступных посягательств в современной России: основные тенденции и детерминанты / Е.В. Фролова, Н.В. Медведева, Л.В. Сеничева, В.В. Бондалетов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 3. — С. 525–537. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).525-537.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Frolova, Yelena V. — Ass. Professor, Chair of State, Municipal Governance and Social Engineering, Russian State Social University, Doctor of Sociology, Moscow, the Russian Federation; e-mail: efrolova06@mail.ru.

Medvedeva, Natalia V. — Ass. Professor, Chair of State, Municipal Governance and Social Engineering, Russian State Social University, Ph.D. in Sociology, Moscow, the Russian Federation; e-mail: nmedvedeva1984@mail.ru.

Senicheva, Lyudmila V. — Instructor, Chair of State, Municipal Governance and Social Engineering, Russian State Social University, Moscow, the Russian Federation; e-mail: ludmilasenicheva@yandex.ru.

Bondaletov, Valeriy V. — Head, Ass. Professor, Chair of State, Municipal Governance and Social Engineering, Russian State Social University, Ph.D. in Sociology, Moscow, the Russian Federation; e-mail: bondaletovvv@mail.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Frolova Ye.V., Medvedeva N.V., Senicheva L.V., Bondaletov V.V. The security of citizens against criminal offences in modern Russia: key tendencies and determinants. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 3, pp. 525–537. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).525-537. (In Russian).